

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ,
руководитель научно-методического центра
развития образования, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

***Аннотация:** статья посвящена исследованию основных особенностей становления геополитической мысли России. Раскрыта проблематика социальной трансформации и политической модернизации России. Проанализированы термины «геополитика», «геополитическая мысль», «геопространство», «этногеополитическая мысль». Перечислены основные черты этногеополитического направления. Выделены парадигмы, в разное время определявшие основное содержание отечественной геополитики. Рассмотрен внешнеполитический курс И.В. Сталина и те мировоззренческие установки, на которых он основывался.*

***Ключевые слова:** русская история, союз славянских государств, всеславянский союз, геополитическое положение, социальная трансформация, политическая модернизация.*

Памятник Григорию Александровичу Потемкину, присоединившему полуостров Крым к Российской империи в 1783 году, в ближайшее время будет установлен в городе-герое Севастополе. Под командованием Потемкина были одержаны военные победы над турками, в результате которых Крым присоединен к России, создан Черноморский флот и его главная база Севастополь, заложены ряд городов, среди которых Екатеринослав (Днепропетровск), Херсон и Николаев, а сам Григорий Александрович получил титул светлейшего князя Таврического.

Воссоединение Севастополя с Российской Федерацией в марте 2014 года актуализировало вопрос о восстановлении в Севастополе памятника советскому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину на привокзальной площади, демонтированный в 1956 году, многие исследователи отмечают огромный вклад Сталина в восстановлении города-героя из руин Великой Отечественной войны.

Что же объединяет в общественном сознании различные периоды нашей истории, почему происходит восстановление прерванной преемственности в восприятии нашего сложного, но великого прошлого?!

Воспоминания об историческом прошлом заставляют всерьез задуматься о величии России. Необходимость современного изучения исторического феномена традиционного российского патриотизма определяется двумя главными причинами: весь ход мировой истории свидетельствует о том, что каждое великое государство, имеющее соответствующий геополитический статус, разрабатывало свою государственную идеологию с целью объяснить миру свое предназначение, великую миссию – Великобритания заявила о себе как о «владычице морей», США выдвинули жесткую «доктрину Монро», Германия, провозгласив, себя «превыше всего», требовала расширения «жизненного пространства»; Российская Федерация по мере своего возрастающего геополитического веса в современном мире нуждается в сильной, цельной государственной идеологии, которой и становится возрождающийся традиционный российский патриотизм, имеющий историческую преемственность с советским патриотизмом, во главу угла которого была поставлена сталинская идея построения социализма в одной стране.

Отправной точкой в изучении советского патриотизма является проблема частичной реабилитации в 1930-е годы дореволюционной русской истории. Основная исследовательская проблема заключается в выяснении причин преодоления руководством ВКП (б) в 1930-е годы нигилизма по отношению к истории и культуре дореволюционной России, прочно утвердившегося в партии большевиков и некоторых кругах интеллигенции в 1920-е годы.

Насколько И.В. Сталину удалось справиться с решением такой задачи можно судить по некоторым документам из архивов немецкого МИДа. В Меморандуме МИДа Германии от 27 июля 1939 года говорилось о том, что «слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов..., изменило интернациональный характер большевизма, как нам это кажется, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию» [1, с. 30].

Грандиозность празднеств по случаю памятных дат русской истории и ее выдающихся персоналий, прославление мощи великих русских полководцев в кинематографе и литературе, возобновление преподавания дореволюционной русской истории в школах и вузах естественно ассоциировались у иностранцев как возрождение русского национализма.

И сегодня многие зарубежные исследователи пишут о том, что в 1930-е годы И.В. Сталин воскресил русский национализм. Эту идею широко развил французский исследователь Николя Верт, книга которого «История Советского государства. 1900–1991 годы» многие годы использовалась в постсоветской России в качестве учебного пособия по отечественной истории. Н. Верт утверждал, что в 1930-е годы «возрождение русского национализма явилось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения» [2, с. 236].

Преодолев нигилизм 1920-х годов по отношению к дореволюционному периоду истории России, И.В. Сталину удалось обеспечить концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность со старой Россией, особенно в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны.

Сталину удалось сбалансировать необходимые пропорции между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России. Проповедуемые им интернационализм и братство между народами гармонично сочетались с пропагандой идеи укрепления и защиты многовековой российской государственности.

Новая государственная идеология отвечала геополитическим устремлениям СССР и дала немало положительных результатов, в том числе в исторической науке, воскресшей после длительного политического забвения.

Взаимодействие географических и политических условий всегда выступало постоянным фактором развития государств в прошлом и актуальным источником их современного состояния. Геополитическая эволюция различных государств богата и разнообразна.

Для России этот вопрос стал настолько актуальным, насколько изменилось ее геополитическое состояние. Известно, что геополитические сдвиги всегда чреваты серьезной дестабилизацией международной и внутренней обстановки. Они могут происходить намного раньше военно-политических изменений, предопределять их реакцию на геополитические сдвиги, а, следовательно, существенно влиять на состояние безопасности общества и государства, практические пути и формы ее обеспечения.

Исторический опыт многих государств, осуществлявших переходные трансформационные (модернизаторские и реформаторские) преобразования и процессы, свидетельствует о том, что данный тип социально-экономических и политических преобразований требует эффективного обеспечения, в том числе, оптимизации всего комплекса внутренних и внешних факторов, постоянно действующих и вновь возникших реальностей, императивов и приоритетов. К наиболее «влиятельным» факторам данного рода относятся изменившиеся политико-географические реальности современного Российского государства со всеми присутствующими им атрибутами – изменением геополитического пространства, новыми территориальными реальностями и проблемами, региональными особенностями развития современной России, наличием политических режимов регионального характера на территории единого государства, явлениями регионального и иного сепаратизма и т. п. Совокупность отмеченных и иных условий и факторов геополитического содержания требует адекватного научного выражения, объяснения и аргументации, в особенности, по линии научного освоения актуальных императивов и приоритетов геополитического качества.

Изучение национальных моделей социальной трансформации в России и других посткоммунистических странах со всей очевидностью ставит вопрос о том, что эту трансформацию нельзя однозначно квалифицировать как исключительно демократическое обновление общественной жизни. Установление демократии не исчерпывает даже одной альтернативы общественного развития, а само развитие намного богаче целей установления демократического политического режима. Как выявилось на практике, глубина и значимость социальной трансформации, во всяком случае, для России, оказались не адекватными целям и характеру «демократического транзита» со стороны Запада. В России была сломлена не только советская государственность, но и те атрибуты государственности, которые возникали и наращивались под воздействием более длительного социально-исторического творчества народов. В отличие от других государств Восточной и Центральной Европы Россия ныне существует в совершенно новых геополитических обстоятельствах. И в этом смысле демократические преобразования в России не исчерпывают всей глубины изменений, которые произошли в стране. Иными словами, цели современной трансформации более масштабны, чем преодоление только коммунистической теории и практики социально-политических и национально-государственных преобразований советского периода отечественной истории.

Ликвидация Варшавского Договора при сохранении НАТО, развал Советского Союза и переход исторической России из сверхдержавы в заурядную региональную сырьевую страну с мощным ядерным потенциалом поставили государство Российское перед выбором: либо научиться извлекать уроки из собственного прошлого и поступить в соответствии с нашими культурно-историческими традициями, либо снова повторять неудачный исторический опыт бездумного следования западным схемам. Россия – уникальное государственно-политическое образование, рожденное «божьим промыслом» (И.А. Ильин) исторического творчества населяющих ее народов при благотворном патронировании этого процесса русским суперэтносом. По большому историческому счету это образование не подлежит расчленению властной элитой нынешних поколений,

какой бы политически мотивированной она ни была. Практика современной трансформации и политической модернизации России свидетельствует о том, что почва социально-политического творчества прошлых поколений перемалывает любое экспериментальное действие современных реформаторов, превращая их изначальные цели в противоположные. Не в этом ли кроется основная причина длительности и бесплодности постсоветских преобразований в России и других государствах СНГ?

Государственность любой страны не мыслится без устойчивой государственно-политической целостности и достаточности, вписанной в потребности внешнего и внутреннего развития общества. Поставленные вопросы и их решение непосредственно связаны с определением статуса страны, в частности России. Продолжающиеся споры о различных параметрах статуса России (великая держава, региональная держава, отдельное государство-нация) пока не получили своего логического завершения по причине того, что ни один из вариантов не имеет полноты аргументов практического подтверждения.

Не все геополитические реалии и интересы изменились в начале 1990-х годов в России, несмотря на смену социально-экономического строя и политического режима. Некоторые из них сохраняют завидное постоянство, а другие стали качественно иными. И это соотношение постоянных и переменных геополитических факторов само по себе выступает источником многих социально-политических последствий. Существует однозначное мнение, что Россия уже не может рассчитывать на мощь, характер и последствия геополитического и военно-политического влияния бывшего Советского Союза. Однако, унаследовав от СССР такие элементы влияния, как евразийское геополитическое расположение, громадные территориальные пространства, мощный ресурсно-экономический потенциал, накопленные запасы ядерного и других видов оружия массового поражения, развитое духовно-культурное и просветительно-образовательное наследие, Россия встает перед необходимостью определиться в приоритетах своего развития, непосредственно связанных с усилением влияния в

современном мире. Характер этих приоритетов уже начинает диктоваться современными опасностями и угрозами, внутренними возможностями их нейтрализации, внешним характером взаимодействия с другими государствами и другими факторами.

Национально-государственная политика России при президентстве В.В. Путина в ее прежнем понимании и социальном статусе состоялась как теоретически, так и практически. Российский федерализм с приоритетом национально-этнических ценностей и интересов стимулирует целостности регионов и их стремления жить в дружбе с центром. Региональная политика как отраслевое политическое направление современной России хотя и молода, но эффективна. Путин подарил мир Северному Кавказу, благодаря Президенту России эффективно сработал федеративный договор субъектов России с центральными органами государственной власти. Региональная Россия уже никогда не будет причудливым сочетанием различных региональных политических режимов – от анархично-демократических до откровенно тоталитарных и тиранических. Все это говорит о том, что сама внутриполитическая составляющая постсоветского состояния России приобрела характер созидательного фактора укрепления российской государственности.

Проблематика социальной трансформации и политической модернизации отражена в трудах зарубежных исследователей – Теодора Адорно, Ханна Арендта, Роймона Арона, Збигнева Бжезинского, Энтони Гидденса, Джеймса Гэлбрейта, Ральфа Дарендорфа, Чарльза Москоса, Арнольда Тойнби, Яниса Эберли, Юргена Хабермаса, Самюэля Хантингтона С. и других. В ряде работ этих авторов представлена теоретическая модель и концепция социальной трансформации и политической модернизации, ее стадии и этапы, типичные особенности. Однако взгляды многих исследователей являются односторонне-позиционными и апологетичными по отношению к ценностям и интересам США и западных государств и страдают недостатком альтернативных способов научного выражения.

После 1985 года и в нашей стране стал нарастать поток теоретических трудов, внимание авторов которых оказалось прикованным к проблеме сталинизма, его тоталитарной природе, механизмам возникновения, утверждения в советском обществе и проявлениям в различных сферах общественной жизни страны. Это был отечественный ответ на отрицательные черты и особенности того этапа, преодолеть которые было необходимо в переходный трансформационный период. Но во всех этих работах нет специального рассмотрения геополитических особенностей и последствий социальной трансформации, реализации ее национально-государственной специфики. В целом в отечественных и зарубежных исследованиях недостаточно раскрыты вопросы, связанные с определением геополитических императивов и приоритетов развития Российского государства. Масштабы и характер геополитических изменений в современной России таковы, что их научное осмысление во многих отношениях лишь только начинается. В особенности это касается вопросов национально-государственного строительства, непосредственно связанного с геополитическими изменениями и особенностями.

В результате развала Советского Союза и изменения социально-экономического курса Россия встала перед необходимостью практического освоения качественно новой модели переходного развития – социальной трансформации, политической модернизации, смены формы государственности в границах и параметрах нового геополитического пространства. Становление российской государственности невозможно без определения исторических и актуальных особенностей (императивов) и приоритетов геополитического развития. Последние, в свою очередь, выступают важнейшими источниками влияния геополитики на характер национальной политики Российского государства, всех ее компонентов – экономического, социального, политического, духовно-идеологического. Геополитические особенности России выступают как совокупность геополитических факторов, императивов и приоритетов, влияние которых на целостность страны носит закономерный и специфичный характер. В этом смысле под особенностями

ствиями влияния геополитики на национально-государственное строительство следует понимать такие результаты процесса воздействия геополитических факторов, императивов и приоритетов, которые становятся устойчивыми, необходимыми и повторяющимися параметрами взаимодействия геополитики. В зависимости от внешних и внутренних условий процесса образования, особенности влияния геополитики на национально-государственное строительство могут выступать в форме императивов и приоритетов. И если императивы выражают устойчивую и постоянную составляющие влияния геополитики на национально-государственное обустройство России вне зависимости от господствующей идеологии и политического режима, то приоритеты выявляют актуальные стороны этого влияния на определенном историческом этапе и в зависимости от политического содержания исторического развития.

Геополитические императивы представляют собой сложившиеся естественноисторическим путем явления социальности, выступающие источником совокупности повелительных требований как результатов взаимодействия географических условий и политики, и определяющие состояние, характер и направленность развития этих результатов. Анализ проблем геополитики в условиях России убеждает в том, что среди важнейших геополитических императивов обеспечения национальной целостности России выступают: геополитическая мотивация единства и целостности российского «государственного тела», евразийский цивилизационный принцип существования и развития России, региональная самодостаточность российского геополитического пространства, поликонфессиональность народов России, объединяющая и интегрирующая роль русского суперэтноса, неспособность его к порабощающей колонизации.

Носителями и основными субъектами геополитических императивов выступают, следовательно, сами государства и их народы, в ментальность и социокультурную идентичность которых входит их содержание.

Конец XX века – начало XXI веков отмечен широким внедрением геополитических идей в обиход политики, средств массовой информации и обществен-

ных наук. Термины «геополитика», «геополитический» применяются в современной России повсеместно. Одновременно с этим процессом развивается другой, в рамках которого исследователи, относящиеся к различным предметным областям – истории, политической географии, политологии, теории международных отношений, философии пытаются выработать общие основы геополитики, определить предмет и специфические методы данного научного направления, выделить и исследовать национальные направления геополитической мысли в различных странах.

Для исследований в историческом контексте более обоснованным, чем термин «геополитика», является употребление термина «геополитическая мысль», которая понимается как особое явление в сфере познания, представленное совокупностью идей геополитического характера, в которых нашло отражение, представленное на тот исторический момент сочетание политических, военных, идеологических, религиозных и т. п. процессов и объективных географических условий, в которых они протекали.

Данное явление, в свою очередь, обобщенно может быть названо геополитической реальностью. Очевидно, что первые идеи, положившие начало геополитической мысли, связаны с возникновением геополитической реальности и могут быть выделены, начиная с возникновения первых государств и контактов между ними. Соответственно, существующая градация между собственно геополитикой и ее истоками может быть отнесена к различиям, которые возникают между определенными историческими этапами в развитии геополитической мысли, например, возможно выделение донаучного, мировоззренческого и научного этапов.

Понятие «геополитика» представляет собой особую интеллектуальную парадигму, ключевую идею в рамках геополитической мысли, охватывающую одновременно и определенный вид отношения к миру – пространственно-идеологическая функция и род занятий – политикоформирующая функция. В самом звучании термина заключена его метапредметная сущность.

Геополитическая мысль понимается как явление, отображающее процесс и результаты взаимодействия (взаимоадаптации) политической деятельности общества, т. е. государств, партий, других субъектов власти, и геопространства.

Под геопространством рассматривается многогранное единство материального субстрата – носителя разнокачественных свойств, и ряда планетарных сфер – природной, экономической, социальной, этнической, политической, экологической, идеологической.

Идея геополитики считается одним из возможных выражений геополитической мысли. Предметом последней является описание, использование, планирование и прогнозирование развития конкретного геополитического отношения, в абстрактной форме отражающего объективно существующее единство политической деятельности, геопространственных условий и результатов ее реализации.

Геополитическое отношение – категория, объединяющая субъект, как образование, обладающее политической властью, и объект – геопространство, выделение и рассмотрение взаимодействия которых составляет основной смысл геополитического исследования.

Любая научная литература может быть признана частью геополитической мысли, если она несет в себе описание геополитического отношения, независимо от времени создания и области, к которой причислял себя ее автор. Пользуясь категорией геополитического отношения, можно не только обосновать наличие последовательной развивающейся геополитической мысли, а еще и выделить ее внутренние направления, связанные с введением в состав субъекта политической власти особых свойств, отражающих своеобразие национальных отношений и исторически сложившийся характер управления на определенной территории. Они могут иметь экономический, религиозный, экологический и этнический характер.

Этногеополитическая мысль представляется отдельной областью геополитической мысли, в рамках которой исследователи акцентируют свое внимание

на этнических аспектах взаимодействия политического субъекта и геопространства, то есть анализируют актуальное этногеополитическое отношение в рамках различных территориальных уровней геопространства.

Отечественная геополитическая мысль отличается отсутствием в работах исследователей термина «геополитика», который применялся лишь в 1920-е годы и широко используется в настоящее время. Это отнюдь не исключает наличие длительного национального геополитического поиска, но является главной причиной того, что российская геополитическая мысль начинает изучаться только сейчас, как ответ на огромное количество концепций иностранных авторов, появившихся в России.

Геополитическая мысль не ограничивается собственно геополитической областью. Ее авторов можно отнести к различным предметным областям, и определить их как философов, историков, юристов, географов и т. д., собственно геополитики появляются в ней только в настоящее время. Это позволяет говорить о том, что исключительность геополитической тематики не была присуща российским исследователям, а формирование геополитической мысли шло совместно с общим развитием гуманитарных и естественных наук.

До недавнего времени исследовалась деятельность только одного политического субъекта – государства, специфические свойства которого и были главным предметом анализа отечественных ученых. Многие из них могут быть охарактеризованы как государственники, обосновывающие свои выводы на несомненной значимости существования сильного, неделимого политико-территориального образования, будь то Россия или СССР. В настоящее время область исследования российской геополитики существенно расширилась, что связано, в первую очередь, с использованием отечественными учеными западных геополитических методик.

Внутри российской геополитической мысли существуют несколько резких исторических переходов. Первый связан с Петровскими преобразованиями – от царского государства византийского типа к евроазиатской империи, второй связан с революцией 1917 года – от православной империи к социалистическому

государству, третий связан с распадом СССР – от социалистического государства к капиталистическому.

Соответственно, из-за изменения общего курса развития государства, внутри самой геополитической мысли менялись основные направления исследований.

Исторически особо значимую роль играли религиозные и идеологические представления, которые господствовали в стране на тот или иной исторический период. Исследователям никогда не удавалось абстрагироваться от них, и большинство работ включает в себя сильную идеологическую составляющую, которая порой превалирует над стратегическими разработками автора, его анализом ситуации и прогнозами.

Исследователи редко непосредственно формировали политику государства, что позволяет говорить о слабости политикоформирующей функции отечественной геополитической мысли, которая в основном представляет собой теоретическое познание, попытку понять природу и дальнейшее развитие России и всего мира, поэтому обладает сложной структурой, включающей в себя несколько исторических этапов и направлений, главным из которых является этногеополитическое.

Большинство ученых рассматривали взаимоотношение геопространства и государства, отталкиваясь от специфических качеств русского этноса, пытаясь понять его место в координатах Запад-Восток, Европа-Азия, христианство-язычество. В силу тесного взаимодействия между народом и государством, а также исторически обусловленной идеологической составляющей отечественной геополитики, авторы переходили к анализу политики государства и параметров его геопространства, что делало эти работы геополитическими.

К основным чертам этногеополитического направления относятся следующие. Специфическое представление российских исследователей о геопространстве. В большинстве работ оно представлено либо территорией России или СССР, либо пространством его интересов. Практически нет исторических работ, анализирующих мировое геопространство, расстановку сил и основные центры

влияния. Обычно подобное исследование присутствует как вступление к работе, например, у Н.Я. Данилевского, как исторический фон для анализа актуальных внешнеполитических проблем, или для сравнения российской и нероссийской (европейской) действительности – западники, славянофилы и т. д. Это позволяет утверждать об отсутствии по большей части глобальных экспансионистских устремлений и сосредоточенности на сфере национальных интересов или пространстве геополитической ответственности, под которыми в разное время понимались и понимаются «православный и славянский миры», «Евразийский материк», глобальная социалистическая система и пространство СНГ. Анализ состояния мирового геопространства появляется в России, скорее по аналогии с подобными работами, существующими в других странах.

Этническая общность в геополитическом контексте в силу влияния религиозных и идеологических норм понималась и понимается большинством ученых как наднациональное образование, близкое к понятиям цивилизация и суперэтнос. Применение терминов «этническая нация» или «этнос» было не распространено. О гражданской нации в отечественной геополитической литературе заговорили только в последнее время под влиянием американских и западноевропейских источников.

Значительная часть отечественных исследователей может быть охарактеризована как консервативная и патриотическая. Это позволяет сделать вывод о том, что геополитическая мысль России является своеобразным ответом на изменяющуюся геополитическую действительность, и является скорее совокупностью анализов этих изменений, чем комплексом предложений и прогнозов будущих процессов. Основная функция направления – рефлексия, направленная на познание прошлого, прогностическая функция в рамках направления присутствует фрагментарно.

Анализируя историю развития геополитической мысли необходимо выделить несколько ключевых парадигм, в разное время определявших основное содержание отечественной геополитики.

Протоэтногеополитическая парадигма. К данной парадигме можно отнести работы Н.М. Каткова, основным выражением которых стало обоснование «имперской идеологии», стратегические разработки Д.А. Милютин, представления о государстве Л.А. Тихомирова, концепцию территориальных систем политического могущества В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

Этногосударственная парадигма – концепция «Москва – Третий Рим», П.Я. Чаадаев и западничество, А.С. Хомяков и славянофильство, Б.Н. Чичерин и его геоправовой подход, И.Л. Солоневич и народно-монархические представления, И.А. Ильин и религиозно-этническая концепция, ленинское понимание этногеополитического отношения через интернациональное геополитическое отношение.

Этногеопространственная парадигма – работы Л.И. Мечникова и развитие концепции географического детерминизма, исторические труды С.М. Соловьева, В.И. Ламанский и концепция трех миров Азийско-Европейского материка.

Этногеополитическая парадигма – Н.Я. Данилевский и идеология панславизма, К.Н. Леонтьев и византийская концепция, П.Н. Савицкий и евразийское направление, Л.Н. Гумилев и концепция этногенеза.

Концепция Л.Н. Гумилева явилась завершающим этапом развития отечественного этногеополитического направления, впитав в себя его прежние ключевые парадигмы – идеи Н.Я. Данилевского, фазы развития этноса К.Н. Леонтьева, «месторазвитие» П.Н. Савицкого, переложенные на современный научный язык.

Л.Н. Гумилев, создавший целостную, но противоречивую систему категорий и фактов, дал наиболее полный и развернутый ответ на вопрос П.Я. Чаадаева: «есть ли иная культура, кроме европейской», и обосновал не только мировое этническое разнообразие, но и особое место в нем народов и государств.

Подчеркнем важность той части исследования автора, которая отлична от евразийства. Л.Н. Гумилев представил концепцию, которая наиболее полно пытается объяснить методологию анализа этногеополитических отношений России за огромный исторический период.

Национальную идею государства можно определить как идейный механизм, систему взаимосвязанных и взаимообусловленных ценностных установок, стратегий, мероприятий и действий, где каждый компонент не может быть реализован отдельно в отрыве от исторического хода развития страны. Соответственно, основой для формирования научно обоснованной национально-государственной идеи может стать комплекс понятий, представлений и идей, созданных в рамках, как всего наследия геополитической мысли России, так и ее этногеополитического направления. В этом и заключается практическая значимость историко-обзорных и теоретических исследований.

Довольно актуальным является вопрос о том, можно ли вообще говорить о научной геополитике, которая, безусловно, обладает большинством характерных, свойственных научному способу познания, качеств и может выделяться либо как отдельная область знания, либо как составная часть области уже существующей.

При подобной трактовке целесообразно объединить геополитическую и дипломатическую терминологии. Например, идея разделять геополитические эпохи (Вестфальская, Венская, Версальская, Потсдамская и Беловежская), может относиться к категории «геополитическая реальность», которой соответствует процесс развития геополитической мысли, разделенный на этапы, периоды и фазы.

В геополитической мысли России представлены экономическое направление – работами М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева и П.Н. Савицкого, военно-стратегическое направление – работами высших офицеров царской России, например, Д.А. Милютина, и советского времени, историческое направление – работами великих русских историков – С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского и т. д.

Анализ специфических черт своей этнической общности становился для отечественных ученых точкой входа сначала в систему национального этногеополитического отношения, который затем превращался в этногеополитическую мысль.

Подобные геополитические идеи имели место и в советский период нашей истории, как в первые годы существования Советского государства – идеи о мировой революции, так и после Второй мировой войны – формирование социалистической системы.

В первом случае идея доминирования СССР в мире официально не декларировалась, а во втором глобальные политические цели после смерти И.В. Сталина не были этногеополитически обоснованы и развивались по инерции в рамках противостояния двух систем.

Более того, в послесталинское время идея о доминировании русского народа, его языка, культуры, национальных ценностей в мировом масштабе больше не возникала. Поэтому особый научный интерес вызывают работы, раскрывающие взаимоотношения цивилизаций, например, исторический труд оберпрокурора Синода К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени», а также появляющиеся в наше время публикации о геополитике И.В. Сталина – одного из ярких государственных деятелей XX века.

Формирование на рубеже XX–XXI веков новой системы международных отношений, характеризующейся высокой степенью конкурентности различных социально-экономических и внешнеполитических проектов, побуждает современных исследователей к изучению предыдущего исторического опыта с целью ретрансляции последнего в новых исторических условиях.

В этом отношении период первой половины XX века был уникален, на международной арене шла борьба мировых держав за жизненное пространство [3, с. 274]. Поэтому представляется важным рассмотреть важнейшую составляющую международного положения того периода – внешнеполитический курс И.В. Сталина и те мировоззренческие установки, на которых он основывался.

В этой связи приведем слова российского исследователя А. Орлова о том, что вопрос о геополитической доктрине И.В. Сталина, как один из ключевых вопросов истории XX века, не случайно игнорируется историками. Отсутствие

этой доктрины в виде целостного документа, позволившее создать легенду о сталинской политике как серии удачных экспромтов, не имеющих глубокой основы, оказалось весьма удобным для многих [4, с. 16]. Тем более что, по мнению исследователей, «именно внешнеполитический аспект является ключом к пониманию и объяснению всей системы политических взглядов Сталина» [5, с. 5].

Главными обстоятельствами «внешнего мира» при формировании и реализации геополитики И.В. Сталина были следующие факторы: во-первых, осознание феноменальной силы Запада, где в Европе сформировалось два лагеря, мощь которых становилась опасной для новой России, осуществлявшей масштабную модернизацию на отличных от Запада принципах; во-вторых, реакция Запада на возникновение государства нового типа, которая выразилась в «блокаде», «изоляции» и «санитарном кордоне из антибольшевистских государств»; в-третьих, опасения большевистских лидеров в отношении судьбы своего «эксперимента» в связи с тем, что Запад будет вести реальную войну с Россией, которое эту войну может проиграть; в-четвертых, выбор внешнеполитической концепции России в условиях экономической разрухи, послереволюционной смуты, которая всегда сопровождает смену социального строя и политического порядка, в условиях по сути дела «холодной гражданской войны», когда значительная часть населения не поддерживала власть большевиков; в-пятых, то, что Первая мировая война оставила на периферии международных отношений две «великие державы» – Германию и Россию, представители которых, начиная с 1921 года, обсуждали и реализовывали возможности сотрудничества, в том числе и военного, что привело в последующее десятилетие к «рапалльскому роману» между ними.

Эти «внешние обстоятельства» накладывались на «внутренние качества» И.В. Сталина, возглавившего политическое руководство страны: происхождение из Закавказья – района переплетения различных национальных, конфессиональных, клановых и прочих противоречий, что давало возможность понимания природы национализма и того гигантского потенциала, который заложен в национальном движении; религиозную обстановку в семье и обучение в церковно-приходской школе и в Тифлисской духовной семинарии, что сказалось на знании

духовных основ православия, аскетизме, сдержанном отношении к западным ценностям; то, что он был полностью обрусевшим человеком, вел подпольную работу с русскими рабочими, примыкал к большевистской фракции, где большинство составляли русские, четыре года провел в ссылке в маленькой сибирской деревушке в Туруханском крае. «В отличие от Ленина, человека с западным образованием, прожившего половину жизни на Западе, – справедливо подчеркивает А.И. Уткин, – Сталин жил на Западе в целом примерно четыре месяца в 1906–1907 годах. Сведения о внешнем мире у него, самоучки, были в основном умозрительными. Строго говоря, это был типичный автохтон, умственно и эмоционально сформировавшийся внутри России, в условиях жестокого подполья» [6, с. 294].

Ещё одним источником внешнеполитической философии И.В. Сталина стал политический прагматизм, связанный с его погруженностью в практическую работу, формирование мышления практика, для которого теория имела прикладное значение. В условиях взаимодействия в формировавшейся советской внешней политике двух противоречивых начал: курса на мировую революцию и необходимости мирного сосуществования для выживания советского режима, Сталин в отношении «революционного движения на Западе» был скептиком, что проявилось, в частности, в дискуссии о Брестском мире, акцентировании значения Востока, роли национального фактора в сплочении поляков в период войны с Польшей в 1920 году, сдержанной позиции в период революционных выступлений в Германии в 1923 году, когда он предлагал немцев «сдерживать, а не подстегивать».

Хорошо известны дискуссии Сталина с Лениным в 1922 году по поводу сталинского плана «автономизации», то есть вхождения четырех республик в состав России в качестве автономных образований. Договор об образовании СССР 30 декабря 1922 года был принят в ленинском варианте, но эти дискуссии отражали различие в видении исторической перспективы: сталинский план предполагал приоритет внутренних задач, а ленинский – создание союза государств, для

которого приоритетом являлись задачи внешние. Таким образом, степень консолидированности государства в этих планах была различной. Это противостояние, в конечном счете, решилось болезнью и смертью Ленина.

А в 1925 году в пользу И.В. Сталина разрешилось и противоречие политических сил, по-разному отвечавших на вопрос о том, следует ли России сосредоточиться, прежде всего, на своем экономическом развитии, делая ставку на собственные силы, либо, наоборот, надо сконцентрировать главные усилия на осуществлении мировой революции в надежде на последующую экономическую помощь со стороны победившего на Западе пролетариата, что проявилось в советской стратегии в Китае, выработка политики в отношении которого в годы революции 1924–1927 годов стала первым опытом самостоятельной внешнеполитической деятельности Сталина.

Определяя курс в отношении Запада, И.В. Сталин уже в 1927 году сделал вывод о неизбежности новой войны и стремился использовать противоречия между европейскими государствами. «Сталин, – справедливо отмечает Н.И. Капченко, – рассматривал эти противоречия в качестве одного из важнейших ресурсов в успешном проведении внешней политики... Сталин внес много нового, фактически возведя лавирование и использование противоречий между западными странами в одну из фундаментальных опор советской внешней политики. И надо сказать, что добился в этом блестящих результатов. Использование противоречий, а зачастую их провоцирование и раздувание было не просто тактической линией Сталина, а ее стратегическим курсом. Внешнеполитическая концепция Сталина базировалась, в частности, на таком тезисе, как обеспечение максимально возможной мирной передышки для того, чтобы поднять страну на ноги, чтобы она могла если не на равных, то все же уверенным голосом говорить со своими западными контрагентами» [7, с. 102–103].

Таким образом, к концу 1920-х годов определились основные принципы внешнеполитических взглядов И.В. Сталина, которые в последующий период стали основой внешней политики Советского государства.

1930–50-е годы с благословения Сталина начались масштабные разработки в области русской истории, многие выдающиеся государственные деятели, в том числе русские цари, оказались реабилитированными. Наряду с культом вождя возник культ русской литературы и вообще русской культуры. Сам И.В. Сталин стал проявлять большой интерес к некоторым дореволюционным идеям и проектам. Так, во время войны он задумал возродить славянофильство на новом уровне. 28 марта 1945 года на обеде в честь чехословацкого президента Эдуарда Бенеша Сталин признался в том, что является новым славянофилом: «Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя. Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств... Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и Вторая мировая война идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь» [8, с. 359–363].

И.В. Сталин считал, что, усиливая советское влияние в Восточной Европе, он создает союз славянских государств, о котором мечтали многие панслависты. Сталину в результате победы над Германией удалось вернуть утраченные территории, принадлежавшие некогда России, более того, ему удалось сделать то, о чем в свое время мечтал Данилевский – о создании всеславянского союза во главе с Россией.

И.В. Сталин полагал, что создание такого союза делает Россию непобедимой. И Сталин создал этот союз в своеобразной форме стран социалистического содружества. Это сразу резко изменило геополитическое положение СССР и сделало нашу страну более неуязвимой, если говорить о внешней опасности.

Геополитические взгляды И.В. Сталина были чужды идеям марксистского глобализма. Вот почему «культ личности» с такой легкостью был развенчан на

XX съезде КПСС в 1956 году. И именно поэтому государственнику Сталину симпатизируют многие националисты и правые консерваторы, весьма далекие от марксизма и левизны.

Сегодня остается только предполагать – почему И.В. Сталин в последние годы своей жизни не переломил ситуацию и не отказался от марксизма? В этом случае СССР как национально-государственное образование до сих пор существовал на политической карте мира, был бы совсем другим государством, а вместо КПСС появилась бы совершенно иная партия.

Но этот путь кардинальных социально-политических преобразований был прерван смертью государственника и прагматика Сталина.

В любом случае, очевидно, что Советский Союз изначально создавался И.В. Сталиным по схемам, отличным от марксистско-ленинских идей пролетарского глобализма.

Список литературы

1. Оглашению не подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. – М, 1991.
2. Верт Н. История Советского государства. – М, 1991.
3. Паршев А. Почему Америка наступает. – М., 2002.
4. Орлов А. «Суворов» против Сталина или опыт построения антиистории / А. Орлов // Россия XXI. – 1993. – №8.
5. Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. – Canberra: Australian National University, 1995.
6. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. – М., 2003.
7. Капченко Н.И. Внешнеполитическая концепция Сталина / Н.И. Капченко // Международная жизнь. – 2005. – №9.
8. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 18. – Тверь, 2006.